

Профессор Максим Кронгауз: Как конфликты в современном обществе влияют на русский язык.

Российских лингвистов будут специально готовить для работы в судах. Как определить, промелькнувшая в "Фейсбуке" фраза - обыкновенное сетевое хамство или разжигание межнациональной розни, "РГ" рассказал заведующий лабораторией лингвистической конфликтологии Высшей школы экономики Максим Кронгауз.

До сих пор экспертов-лингвистов для судов специально не учили...

Максим Кронгауз: В наших планах курсы по этой проблематике. Лингвистов часто привлекают к участию в решении споров, особенно на досудебном уровне. Иногда сам суд приглашает независимого эксперта. И его заключение, если к нему прислушивается судья, вызывает в обществе большой резонанс. Особенно когда речь идет об оскорблении, разжигании межнациональной розни. Очевидно, что грамотной судебной экспертизе пора учиться.

А вы не думаете, что на лингвиста легко переложить ответственность за принятие решения?

Максим Кронгауз: Да, меня это настораживает, поэтому я сразу оговариваюсь: экспертиза, скажем, по баллистике и лингвистическая экспертиза все же разные по точности.

Последняя более субъективная?

Максим Кронгауз: Мы имеем дело с разными инструментами: одно дело физические законы, другое - законы языка и коммуникации. Понятно, что язык сам по себе - менее четкая и упорядоченная система. Поэтому и доля субъективности может присутствовать. Я, например, возражаю против рассмотрения в качестве каких-то доказательств так называемых скрытых, имплицитных смыслов. А некоторые эксперты довольно активно их используют. Но тогда человека можно обвинить в том, что он не говорил, мол, он что-то имел в виду. Это очень опасный путь. Мы ведь не в состоянии проникнуть в мозг, а только анализируем текст.

На каких все же принципах строится лингвистическое заключение, к чему присматривается специалист? Как понять, было ли преступление в истории про "розовую кофточку"?

Максим Кронгауз: Нужно искать признаки так называемой отрицательной информации. Для примера сравним фразы: "Россия для русских" и "Бей ... (указание некой нации), спасай Россию". Во втором случае все очевидно: есть призыв к насилию, даже если его выкрикнули не в конкретной драке, а лишь как лозунг. Все равно статья! А вот с фразой "Россия для русских" сложнее. До сих пор среди юристов и лингвистов нет единого мнения, есть здесь разжигание или нет.

А с вашей точки зрения?

Максим Кронгауз: Хотя по смыслу я с таким утверждением не согласен, но, анализируя это фразу лингвистически, могу сказать: призыва к насилию и к разжиганию межнациональной розни там нет. Но если искать скрытые смыслы, рассуждать примерно так: если Россия только для русских, то, значит, ни для каких других наций, выводы можно сделать самые разные. Это прямой путь к тому, чтобы использовать аналитическую экспертизу как инструмент сведения счетов с политическими противниками, что мне кажется опасным.

Сейчас время такое конфликтное, что уже и филологи вынуждены изучать конфликты?

Максим Кронгауз: Времена обычные, только ситуация изменилась принципиально: конфликт можно изучать. Ведь интересуют не те склоки, когда соседи поругались-подрались на кухне, потом помирились, инцидент исчерпан. С появлением Интернета и брань, и споры фиксируются, их можно проанализировать, зайти в социальную сеть и увидеть, что ссора не исчезла, она обрастает новыми персонажами, провокаторами, победителями... Это совершенно новая область для изучения. Именно поэтому сейчас мы на равных здесь конкурируем с учеными других стран.

Но разве конфликты нельзя было изучать по дневникам, письмам. Скажем, по переписке вокруг ссоры Толстого и Тургенева?

Максим Кронгауз: В архивах иногда находится письмо, с которого начинается напряжение между людьми, но нет ответа. Очень сложно таким образом выстроить архитектуру конфликта, если доступны его осколки-фрагменты. Другое дело - Интернет. Важную роль играют коммуникативные провокаторы, во времена Тургенева с Толстым их назвали бы бретерами. Это люди, которые получают удовольствие от дуэли. В этом случае словесной.

Максим Кронгауз: Троль настроен на то, чтобы разрушить общение, он не приводит аргументов, просто мешает людям разговаривать. Фото: **Олеся Курпяева/ РГ**

Сейчас их называют троллями?

Максим Кронгауз: Нет, тролль настроен на то, чтобы разрушить общение вообще. Это тоже важная роль в конфликтной коммуникации. Он не приводит каких-либо аргументов, он просто мешает людям разговаривать. Что же касается интернет-конфликтов, то это явление стало настолько распространенным, что для него появились различные сетевые названия: "холивар" (от англ. "священная война"), "флейм" (от англ. "вспышка"), более грубые русские слова...

Каковы особенности таких словесных стычек?

Максим Кронгауз: Часто в диалоге не существенны логика и аргументация. Никого нельзя ни в чем убедить, важно так называемое позиционирование своей точки зрения и все. А если и есть аргументация, то с переходом на личности, скажем, по поводу лингвистических способностей оппонента. Так поступают граммар-наци, интернет-персонажи, отличающиеся педантичным отношением к вопросам грамотности. Так вот они в процессе ссоры цепляются к простейшим грамматическим ошибкам, тем самым унижая собеседника и дискредитируя его как спорщика.

Если судить по неумирающей дискуссии "на Украине - в Украине", политика вполне способна спровоцировать языковой конфликт...

Максим Кронгауз: Межгосударственные лингвистические битвы - дело обычное. Особенно если речь идет о названиях государств: Молдавия - Молдова, Белоруссия - Беларусь...

Слово "Беларусь" пришло к нам из белорусского языка. Должны ли мы прислушиваться к аргументации, что в Белоруссии и русский язык государственный?

Максим Кронгауз: Я думаю, должны.

Но в русском языке не бывает соединительной гласной "а", всегда делаю ошибку, когда пишу "Беларусь"...

Максим Кронгауз: Я сказал, "мы должны прислушиваться". Но что означает "прислушиваться"? С моей точки зрения, это означает признавать, что на территории Белоруссии русский язык отличается от русского на территории России. И это относится не только к стране, где русский государственный. На Украине говорят "в Украине". И это уже факт. Вряд ли нужно вступать с украинцами еще и в лингвистический конфликт. У людей, живущих в другой стране, право использовать в русской речи слова, которые не используются в России, есть.

Согласитесь, названия стран должны быть единообразно написаны на картах, в законах. Здесь не может быть политкорректности.

Максим Кронгауз: Да, но это зависит не от лингвистов. Мы можем лишь консультировать, но решение, как писать то или иное название страны или города, принимается на уровне правительства. Причем закрепляется некая норма, не всегда последовательная. Скажем, название столицы Эстонии Таллин по-русски всегда писалось с одной Н, а в латинице - с двумя. Эстонцы попросили писать и по-русски с двумя. В какой-то момент мы так и делали, но потом вернулись к традиционному написанию. И эти метания привели к путанице и вариативности.

Беларусь и Молдова, значит, неправильно?

Максим Кронгауз: Вот здесь не все просто. В августе 1995 года в России было официально решено, что эти страны должны называться "Республика Белоруссия" и "Республика Молдова". Краткая форма: "Белоруссия" и "Молдова". Но в 2001-м году появился Общероссийский

классификатор стран мира, из которого следует, что правильно "Республика Беларусь" и "Беларусь".

Мало того, к этой путанице добавляется еще следующее: мы по-прежнему называем язык белорусским и молдавский, а население этих стран соответственно "белорусы" и "молдаване". Это парадокс: название страны начинает вступать в странные отношения с названием нации и языка.

Досье "РГ"

В рамках судебного дела "Ароян против Киркорова", так называемое дело "о розовой кофточке", лингвистическое исследование было проведено по инициативе адвокатов поп-звезды. Вывод эксперта о том, что слово, аналогичное слову "звезда", произнесенное Киркоровым, было всего лишь "фоновым матом". Но суд отказался придать заключению статус официальной лингвистической экспертизы, и оно не повлияло на приговор. 11 августа 2004 года мировой суд Ростова-на-Дону признал Киркорова виновным по части 2 статьи 130 УК РФ (оскорбление в публичном месте) и назначил штраф в размере 60 000 рублей с выплатой в пользу государства.

<https://rg.ru/2016/09/01/maksim-krongauz-mezhgosudarstvennye-lingvisticheskie-bitvy-delo-obychnoe.html>